

Человеку, не утратившему духовные, нравственные ориентиры, свойственно любить свою малую родину, место, где он появился на свет. И неважно — большой это город или маленькая деревенька, столица с многовековой историей или поселок, появившийся на карте совсем недавно. Ведь здесь твоя земля, где всё знакомо, привычно и естественно, как само дыхание. Признаюсь, меня раздражают те, кто пренебрежительно отзывается о своих родных краях, бравируя, мол, живут теперь в мегаполисах, да и какая разница, где они родились. И всегда восхищаюсь земляками, давно уже живущими далеко от Симферополя, но преданно любящими наш город.



Актер В. Кенигсон в роли Иудушки в спектакле Малого театра «Господа Головлевы».

Среди тех, кто появился на свет в крымской столице, немало ярких личностей. Один из них замечательный актер театра и кино советской эпохи Владимир Кенигсон.

Родился Владимир Владимирович 25 октября (7 ноября) 1907 года в семье дворянина с шведскими корнями. «Судьба свела очень непохожих, разных людей — мою мать и моего отца, — вспоминал в конце жизни Владимир Владимирович. — Отец мой, Владимир Петро-

вич Кенигсон, в свое время окончивший Петербургский университет, талантливый юрист, оставшись в 64 года вдовцом, покинул казенную службу, переехал в Симферополь и занялся частной адвокатской практикой по гражданским делам. Несомненно одно: поводом к отставке послужило «вольнолюбие» отца. Моя мать Варвара Акимовна Малуго — неграмотная крестьянка. В момент моего благополучного появления на свет ей было 36 лет, природа наделила её такими качествами, как чуткость, нежность, умение понять в человеке самое сокровенное».

Детство Владимира Кенигсона прошло в Доме Анджело. Об этом здании в Симферополе XX века рассказывали немало историй. Построенный в 1910 году, дом в начале прошлого века казался очень высоким: три этажа, жилая мансарда, двор—колодец, освещаемый возвышающимся над ним фонарем. Симферопольцы называли Дом Анджело «Старым Чикаго» — по ассоциации с популярным в те годы фильмом. В 1970-е здание снесли, но я отчетливо помню свои детские впечатления. Вот мы с мамой идем в гастроном, располагавшийся на первом этаже легендарного дома, проходим мимо открытой двери в парадное, вдаль виднеется двор, который кажется мне таинственным, даже зловещим. (Впрочем, что можно требовать от шестилетнего ребенка, обожающего сказки). Начались школьные годы, а школа моя располагалась как раз по соседству со «старым Чикаго», который уже не пугал меня, а был самым обычным старым симферопольским домом. Ну, это своего рода лирическое отступление.

А вот как описывал Дом Анджело В.В. Кенигсон: «Дом, где мы жили, был большой, трехэтажный. Фасады его выходили на три улицы. Предприимчивый делец построил в городе три или четыре таких доходных дома. Домовладелец был весьма популярной фигурой. «Дом Анджело» — произносилось почтительно, уважительно. Построен он был, что называется, на все вкусы и возможности. Прекрасные квартиры на третьем этаже. Здесь проживали генералы в отставке и знатные чиновники, крупные коммерсанты... Первый этаж принадлежал тем, кто довольствовался одним жалованьем. Отец снимал небольшую квартиру. Весь второй этаж занимало чертежное управление. А в полуподвальных комнатухах теснилась беднота. Как степенный корабль, под охраной полицейского Ивана Бессмертного, плыл безмятежно «Дом Анджело».

Отец запомнился Владимиру Владимировичу как человек замкнутый, молчаливый, но добрый и отзывчивый. У него часто искали защиты своих прав люди необеспеченные — рабочие, ремесленники, мелкие служащие. И он всем им помогал безвозмездно, отчего преуспевающие адвокаты считали его чудаком и открыто посмеивались. «Жили мы замкнуто, — вспоминал Кенигсон, — отцовский брак все считали нелепым и, по меньшей мере, странным. Меня же окрестили обидным прозвищем «кухаркин сын». Вот он, кухаркин сын, как резкий удар бичом. Я зарывался в подушку и глухо рыдал. Потом привык».

И все-таки детство — пора счастливая и горести быстро отходили на второй план. Маленький Володя любил ездить с отцом на извозчике в казначейство, сама поездка была большим праздником. Получив пенсию, Владимир Петрович вручал сыну несколько новеньких медных пятаков. Потом они отправлялись в знаменитый книжный магазин Синани. Возвращались домой, нагруженные пакетами с разными вкусами и интересными книгами. Счастьем для Володи стало посещение цирка. «Ярко освещенный манеж, какой-то неповторимый запах, откуда-то доносится звериный рык, оркестр заиграл марш и в цветастых костюмах, сопровождаемые морскими львами, выбегают два клоуна. Их сменили красавцы-кони, потом акробаты, жонглёры и, наконец, гвоздь программы — «факир из Индии». Феерический каскад номеров!..» Этот вечер надолго врезался в память Кенигсона, именно тогда у него появилось желание разгадать секрет каждого номера. Вместе со своим любимцем псом Джеком он создал домашний цирк, где единственным зрителем была домработница Луша. Казалось бы, вот он, первый шаг по пути, который приведет юного Кенигсона в искусство. Однако сам Владимир Владимирович так не считал. И увлечение цирком вскоре было забыто.

Под влиянием матери Володя, незаметно для самого себя, приблизился к религии. Не имевший друзей среди сверстников, он заинтересовался церковными службами, его увлекала торжественность атмосферы. Особенно полюбил службу в Кафедральном соборе. На закате жизни Владимир Владимирович рассказывал: «Пройдет время и моя страсть, как пылающий светильник, будет задута сильным крылом Театра. Потом, через длинную череду лет, как пригодится мне это далекое, забытое в работе над ролями царя Федора, Уриэля Акосты».

Кенигсон был убежден, что копилка памяти — великая вещь. Здесь не бывает «большого» и «малого», в малом иногда хранится золотая россыпь. Надо только уметь видеть и уметь отбирать. Так в копилке памяти Владимира Владимировича остались события революции и гражданской войны.

«Вдруг всё завертелось. Волны беженцев из Петрограда, Москвы оседали в Крыму. Главным пристанищем их был Симферополь. В гимназии занятия проходили с большими перерывами. Мы видели растерянные лица наших педагогов — и сами с трудом пытались понять происходящее. Каждый день приносил новые слухи — несуразные, но пугающие. Атмосфера в городе была страшная. Газеты выходили на скверной, грязно-коричневой бумаге, в них печатались интервью с генералами, утверждающими, что большевикам не пройти... На всех углах распевали модную тогда песенку «По улицам ходила большая Крокодила...». А в сквере Кафедрального собора в полночь собиралась толпа в ожидании речи «пророка» — неистового отца Востокова, призывавшего в крестовый поход на Москву. Зрелище жуткое!.. В «Любови Яровой» Тренев изобразил его под фамилией Закатов. «Дом

Анджело» теперь напоминал Ноев ковчег. Отец уже был тяжело болен, — вспоминал события тех лет Кенигсон. — И тут случилось самое ужасное: он вынужден был продать свою библиотеку, в которую был влюблен, ведь начинался голод. К счастью, продал её он Таврическому университету, созданному как раз в то время».

Вскоре отца, Владимира Петровича Кенигсона, не стало. Осенью 1920 года в Симферополь вошла Красная Армия. Оставшись с 13-летним сыном без средств к существованию, Варвара Акимовна начала искать работу. И ей посчастливилось устроиться уборщицей в ЧК. Принимал её на работу комендант Иван Дмитриевич Папанин, будущий знаменитый полярник. Вот как описывал первую встречу с этим легендарным человеком сам Кенигсон: «Помню осеннюю ночь... Из сетки дождя, бесконечного и нудного, возникает коренастая фигура человека во всем кожаном, красный бант на картузе и маузер через плечо. Вглядываясь в нас, он спросил: «Ты что, мамаша?» «Да вот я с ребенком, мы одни и помочь нам некому», — лицо человека подало, он коротко бросил: — «За мной, мамаша». Он привел нас в маленькую комнату с кухонькой. «Здесь и поселяйтесь с сынишкой, а завтра ко мне в ЧК, будете работать». Через много десятилетий известный актер Кенигсон встретился с Папаниным, которому в ту пору будет уже за девяносто, и оказалось, что Иван Дмитриевич помнит и ту первую встречу и даже имя и отчество матери Владимира Владимировича.

С детства Володя Кенигсон был влюблен в литературу, читал много, захлеб. Затем пришло еще одно увлечение, переросшее в дело всей жизни — театр.

Годы учебы в гимназии, выпавшие на сложный период в истории страны, пролетели для Кенигсона быстро. Надо было работать, чтобы помогать матери. И Владимир поступил на службу курьером в управление статистики, но все мысли его были связаны не со скучными служебными обязанностями, а с занятиями в драмкружке Клуба совслужащих. «Мы выпускали спектакль «Женитьба Бальзамина», — рассказывал Владимир Владимирович. — Я был настолько сосредоточен на этом, что забывал обо всем остальном. И вот однажды во время генеральной репетиции я увлекся и забыл, что пора на работу. А в это время меня разыскивали коллеги, ведь я унес все ключи от кабинетов. На том служба моя закончилась. Но это несколько меня не расстроило, ведь премьера «Женитьбы Бальзамина» прошла успешно. Надо было решать, чем заниматься дальше». Тогда Кенигсону попалось на глаза объявление, что в театр требуются сотрудники для массовых сцен. Именно так: «сотрудники», не актеры, а статисты. Это и определило его судьбу. «Мой приход в театр, — вспоминал Владимир Владимирович в марте 1986 года, — был очень знаменательным для меня — когда впервые вышел на сцену на репетиции, я вдруг почувствовал какой-то особый запах театра, необъяснимое ощущение какого-то

священного события. И даже сейчас, спустя много лет, у меня сохранилось это чувство».

Именно тогда, осенью 1925 года, в театре была создана Студия, учащиеся которой приобретали актерскую профессию непосредственно в процессе работы над спектаклями. Главным режиссером театра был соратник В.Мейерхольда — талантливый Рудольф Унгерн, музыкальной частью заведовал Исаак Дунаевский. Спектакль «Принцесса Турандот» К.Гоцци в постановке Унгерна с музыкой Дунаевского стал настоящим творческим потрясением для начинающего актера Кенигсона.

Молодой Кенигсон отдавался работе в театре всецело. Зная, что вечером ему выходить на сцену в массовке, весь день готовил себя к спектаклю, хотя роли как таковой у него не было. В семнадцать лет он был худощавым, невысоким, но на сцене Владимир менялся до неузнаваемости, как он сам говорил, трансформировался. Режиссеры оценили стремление молодого человека создавать образ даже при отсутствии драматургического материала, и ему стали доверять роли с одной-двумя фразами.

Вспоминая первые шаги на симферопольских подмостках, Кенигсон рассказывал: «Играли спектакль о революционных событиях 1905 года. Массовая сцена бастующих рабочих. Вдруг приближаются казаки. Играю одного из рабочих, стоит отметить, что загримировался я удачно — борода, наклеенный нос, соответствующе образу одет. В общем, чувствовался характер персонажа. На генеральной репетиции режиссер неожиданно говорит, указывая на меня: «Вот вы вбежите и крикнете «Идут!» Даже в массовке, в эпизодических ролях юный актер старался точно уловить индивидуальность своего персонажа.

В конце 1926 года театр приступил к репетициям спектакля «Любовь Яровая». Это работа для коллектива была особенной, ведь пьеса написана Константином Треневым на симферопольском материале, в ней отчетливо угадывались крымские приметы, для многих персонажей прототипами служили реальные люди. Сам автор принимал участие в репетициях. И вот, в такой знаковой постановке, к удивлению многих коллег, Кенигсо на назначили на роль Чира. «Это было для меня очень стремительное восхождение, ведь на эту роль могли претендовать более опытные актеры. Пришлось вспомнить гимназию, швейцара, стоявшего на гардеробе и одевавшего нас, гимназистов, — рассказывал о работе над образом Кенигсон. — Когда Треневу представляли каждого исполнителя и очередь дошла до меня, Константин Андреевич (он был очень высокого роста) посмотрел сверху вниз и произнес: «Да, роль ответственная». И в этом было недоверие и одновременно удивление — как может быть такое». Однако уже на премьере Тренев принял работу Кенигсона, высказал лишь одно пожелание «не постесняйтесь добавить ржавую небритость».

Премьера «Любови Яровой» состоялась в марте 1927 года. Примерно в то же время руководство театра предложило Кенигсону заклю-

чить договор. Это было признание его как профессионального актера. Но годы творческого становления Владимира Владимировича только начинались, он продолжал учиться у коллег, талантливых опытных артистов, которых в симферопольском театре было немало. «Бесценный опыт я приобрел, работая с настоящими актерами, — подчеркивал Владимир Владимирович. — В Симферополе такими мастерами были Михаил Викторович Горский, Бронислава Ивановна Рутковская. Её высоко ценил В.Э. Мейерхольд, работавший с ней в Херсоне в начале XX века. Это была невероятная актриса. Ничем не примечательная в жизни, на сцене она становилась богиней. Вот что значит перевоплощение внутреннее и идущее рядом внешнее перевоплощение».

Кенигсон свято верил в актерскую преемственность. «Нельзя повторить другого актера, это невысказано, это нелепость, но исповедовать его почерк, его особенности как артиста — это необходимо. Зачастую именно преемственность оборачивается вашей индивидуальностью», — замечал Владимир Владимирович, уже будучи известным актером.

Беззаветная любовь к театру, целеустремленность и трудолюбие сделали из скромного симферопольского юноши настоящего актера. Известный писатель Савва Дангулов в книге «Художники. Альманах литературных портретов» в главе, посвященной Кенигсону, писал: «Владимир Владимирович пришел в симферопольский театр чуть ли не со школьной скамьи. Начиная с азов и поистине прошёл все этапы становления актера». На подмостках своего первого театра актер сыграл десятки характерных ролей, и пусть большинство из них были небольшие, эпизодические, они стали для него настоящей школой. Со временем молодому артисту доверяли и значительные роли: в спектакле «Бой-баба» В. Сарду он сыграл Фуше, а в постановке «Бронзовый идол» Г. Павлова; главный режиссер Борис Бертельс назначил его на центральную роль полковника Равенштейна. Эти события в жизни Кенигсона произошли в 1933 году. Тогда же он с актерской молодежью театра поставил пьесу А.Островского «Без вины виноватые», своего рода эксперимент, где из опытных мастеров была лишь исполнительница роли Кручининой — Александра Малаксианова. В спектакле Владимир Владимирович играл Григория Незнамова (с этим образом он встретится вновь спустя десять лет в спектакле А. Таирова уже на московской сцене). В работе над постановкой Кенигсону помогала Александра Федоровна Перегонец, опекавшая молодых артистов и всячески их поддерживавшая. В «Без вины виноватые» она не была занята. Но, как отмечал Кенигсон, советы и замечания этой тонкой, глубокой актрисы были поистине бесценны. Именно Александру Федоровну Владимир Владимирович уже в конце своего жизненного пути назовет своей лучшей сценической партнершей.

В 1934 году Кенигсон уедет из родного города. После Симферополя будут Куйбышев, Днепропетровск, девять лет в Московском Камер-

ном театре и, наконец, Малый театр, где он прослужил 37 лет, заняв положение одного из ведущих актеров прославленной труппы. Среди его блистательных работ: Кречинский в «Свадьбе Кречинского» А. Сухово-Кобылина, Иудушка Головлев в «Господах Головлевых» по М. Салтыкову-Щедрину, Кучумов в «Бешеных деньгах» А. Островского, Неизвестный в «Маскараде» М. Лермонтова, Петр во «Власти тьмы» Л. Толстого.

В конце сороковых годов Кенигсон начал сниматься в кино, причем уже первая роль — генерал Кребс в «Падении Берлина» — принесла ему Сталинскую премию. Любителям кинематографа запомнились работы Владимира Владимировича в кино- и телефильмах: «Майор Вихрь», «Два билета на дневной сеанс», «Семнадцать мгновений весны», «Следствие ведут Знаатоки». А еще он успешно озвучивал мультфильмы и дублировал иностранные киноленты. Его голосом говорит комиссар Жюв в знаменитом «Фантомасе». Говорят, что Луи де Фюнес, посмотрев фильм с дубляжем Кенигсона, воскликнул: «Не знал, что я такой хороший актер».

В Москве любовь к родному Симферополю сдружит Кенигсона с Михаилом Ивановичем Царевым, всегда тепло вспоминаявшим театр, где он прожил счастливые годы творческого становления, и Александром Голобородько, приглашенным в Малый театр в середине 70-х. Но не только с ними он будет говорить о любимом Симферополе. Режиссер Леонид Ефимович Хейфец рассказывал дочери Кенигсона Наталье Владимировне, как на репетициях «Свадьбы Кречинского» Владимир Владимирович часто вспоминал Крым. Наталья Кенигсон-Хансен рассказывает: «Казалось, папе не хватало слов восхищения, когда он говорил о Симферополе, и он дополнял свои рассказы жестами, чувствовалось, как он любит Крым, Симферополь, который он называл очень нежным городом. Для папы все дороги вели в Крым».

Причудливо переплетаются судьбы людей. Наталья Кенигсон после окончания Театрального училища будет принята в труппу Московского Театра драмы и комедии и сразу уедет на гастроли в Симферополь. Её первый выход на профессиональную сцену случится именно в Симферопольском театре, там, где впервые вышел на подмостки её великий отец. Здесь же на гастролях она встретится со своим будущим мужем — прекрасным актером Алексеем Эйбоженко.

Народный артист СССР Владимир Кенигсон ушел из жизни 17 ноября 1986 года. Династию Кенигсон-Эйбоженко сегодня продолжает его внук актер и ведущий Алексей Алексеевич Эйбоженко. В их семье трепетно хранят воспоминания о Владимире Владимировиче. И я благодарна Наталье Владимировне Кенигсон-Хансен за предоставленные записи В.В. Кенигсона.